

УДК 94(479.225)

УСТАНОВЛЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОБОСОБЛЕННОСТИ ЮГООСЕТИНСКИХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Тедеева У.Ш.

*ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинская государственная медицинская академия» Министерства
здравоохранения Российской Федерации, Владикавказ, e-mail: sogma.rso@gmail.com*

Настоящая статья посвящена вопросу становления российской административной системы на территории Южной Осетии после приведения ее населения «к покорности» в 1830 году, с чем и связано ее фактическое присоединение к России. Поход генерала П.Я. Ренненкампа на юг закончил серию военно-политических мероприятий русского самодержавия в Южной Осетии с целью ее окончательного «покорения», что впоследствии и было сделано. «Покорение» Южной Осетии царской администрацией завершилось утверждением здесь приставской системы, которая, по мнению наместников Кавказа, должна была способствовать установлению «спокойствия» в крае. Ранее на юге Осетии, входившей в состав Горийского уезда Грузии, отсутствовали органы управления, предназначенные специально для осетинских обществ. Административная реформа, проводимая российским правительством на территории Южной Осетии в первой половине XIX в., способствовала дальнейшему освобождению осетинского населения от военно-феодального режима грузинских тавадов – Эристави Ксанских и Мачабели.

Ключевые слова: Южная Осетия; югоосетинские общества; Закавказский край; приставство; моуравство; грузинские феодалы; административная реформа; российское правительство

THE ESTABLISHMENT OF AN ADMINISTRATIVE AND TERRITORIAL DIVISIONS OF THE SOUTH OSSETIAN SOCIETIES INTO THE RUSSIAN GOVERNMENT IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Tedejeva U.Sh.

*State budget institution of higher education «North Ossetian State Medical Academy» of the Ministry of
Health of the Russian Federation, Vladikavkaz, e-mail: sogma.rso@gmail.com*

This article is devoted to the establishment of the Russian administrative system on the territory of South Ossetia after reduction of its population «into submission» in 1830, which accounts for the actual connection to its Russian. Hike General P.Y. Renennkampfa south finished the series of military and political events of the Russian autocracy in South Ossetia to its final «conquest», which was subsequently done. «Conquest» of South Ossetia ended imperial administration statement here pristavskoy system, which, according to the governors of the Caucasus, was to promote the establishment of a «peace» in the region. Earlier in the south Ossetia, part of the Gori district of Georgia, out controls designed specifically for the Ossetian societies. Administrative reform undertaken by the Russian government in South Ossetia in the first half of the XIX century contributed to the further release of the Ossetian population of military- feudal regime Georgian tavad - Eristavi Ksani and Machabeli

Keywords: South Ossetia; South Ossetian society; The Transcaucasian region; pristavstvo; mouravstvo; Georgian feudal lords; administrative reform; the Russian Government

В результате российской «карательной» экспедиции в 1830 г. в Южную Осетию под руководством генерала П.Я. Ренненкампа, главной целью которой было «приведение народа сего к положительной присяге на верноподданство Грузии и водворение там порядка» [7; 4], здесь была установлена российская административно-управленческая система. С этим связано и ее фактическое присоединение к России. Этот поход завершил серию военно-политических мероприятий русского самодержавия в Южной Осетии с целью ее окончательного «покорения», что впоследствии и было сделано: в 1802 г. – экспедиция Симоновича, 1804 г. – князя П.Д. Цицианова, 1810 г. – поход генерала Сталя, 1820–1821 гг. – экспедиция Титова, в 1830 г. – экспедиция генерала П.Я. Ренненкампа.

Целью исследования явилось изучение процесса утверждения российской системы управления на юге Осетии, что должно было способствовать «усмирению жителей» и положить конец многочисленным восстаниям, вспыхивавшим на юге Осетии в течение последних трех десятилетий.

«Покорение» Южной Осетии царской администрацией завершилось установлением здесь приставской системы. Территория Южной Осетии была разделена на четыре приставства (моуравства): Джавско-Чеселтское, Кошк-Рукское, Магланбетское и Джамурское [9; 41]. Первые три моуравства были причислены к Горийскому уезду, во главе которых российское командование предлагало поставить одного «главного моурава». Грузинские дворяне ожидали, что им станет кто-то из грузин-

ских князей и Южная Осетия превратится в одно из ее княжеств. Но И.Ф. Паскевич – наместник Кавказа, который по завершении экспедиции П.Я. Ренненкампа приступил к организации управления осетинами, отрицательно относился к политическим амбициям грузинских дворян, стремившихся установить свое господство в Южной Осетии. По мнению фельдмаршала, «моурави над горами имели излишнюю власть» [3; 202]. До 1830 г. на территории юга Осетии, формально находившейся в составе Горийского уезда Грузии, отсутствовали органы управления, предназначенные специально для осетинских обществ. По приказу И.Ф. Паскевича осетинские села выделялись из Горийского уезда и образовывали «главное приставство» [5; 58–59]. «Главное приставство», как было отмечено выше, разделялось на четыре моуравства – приставства. В первое приставство вошли жители «Хвце, Дзивы, Джавского, Чеселтского и других ущелий, расположенных вниз от сел. Джавы»; во второе – села Коштинского, Джомаского, Рукского, Згубирского, Гвидинского, Чипранского, Тлийского и Герсевского ущелий; в третье – население Магданолетского, Келиатского, Бритаульского, Кногского и Малюлиахвского ущелий до с. Белоты; в четвертое – Джамурское ущелье [5; 63]. Несмотря на то, что осетинские села были выведены из Горийского уезда и составили отдельное приставство, все приставы, кроме Джамурского, находились в административном ведении Горийского окружного начальника. Осетинскими приставами были назначены грузинские дворяне, владеющие осетинским языком (с содержанием в 200 р.) [4; 198], которые оказались недовольны учреждением приставств, усматривая в этом ущемление своих феодальных интересов. Но И.Ф. Паскевич возражал и указывал им на то, что Южная Осетия покорена «ценою крови русских, и что ее благами должны пользоваться русские» [3; 202]. Главноуправляющий считал необходимым «сделать постановление, чтобы никто из грузинских помещиков на имения, не находящиеся в действительном их владении, при занятии оных правительством вооруженною рукою права не имели» [1; 372]. Такая позиция И.Ф. Паскевича по отношению к помещикам вполне объяснима. Главной задачей своей на Кавказе он считал установление «спокойствия» в крае. Между тем необоснованные притязания грузинских помещиков на осетинские села вызывали постоянные выступления последних и тем самым создавали препятствия для осуществления поставленной задачи. Это и послужило причиной такого отрицательного отношения, которое проявил

Паскевич к интересам помещиков Мачабели и Эристави.

Стараясь предотвратить восстания осетинских крестьян в будущем, И.Ф. Паскевич решил ликвидировать главную их причину – феодальные притязания грузинских феодалов Мачабели и Эристави. Всех жителей юга Осетии он причислил к казенным крестьянам, объявив, что осетины никогда не находились во владении этих помещиков и что последние предъявили свои права на осетинские села уже после утверждения российской власти в Грузии [2; 276]. Другим аргументом, выдвинутым И.Ф. Паскевичем, стал факт неподчинения осетинских крестьян князьям Мачабели и Эристави на момент проведения карательных действий П.Я. Ренненкампом. Отстаивая свою позицию, он обратился к Николаю I с просьбой «высочайшим повелением» пресечь домогательства грузинских помещиков [4; 200], и император его поддержал. Непризнание И.Ф. Паскевичем феодальных притязаний грузинских князей на некоторое время улучшило положение на юге Осетии.

После отставки И.Ф. Паскевича и с назначением барона Г.В. Розена главноуправляющим на Кавказе политика российской администрации в Южной Осетии изменилась. Г.В. Розен, как и его предшественники, признавая Осетию как целостную страну, был сторонником поддержки феодальных притязаний грузинских тавадов на югоосетинское крестьянство. Он считал, что, поскольку права князей Эристави на владение имениями, отобранными царем Ираклием, были возвращены им Сенатом в 1803 г., то «права их на означенные осетинские ущелья не подлежат никакому сомнению и розыску» [3; 207]. Князья Эристави Ксанские и Мачабели вновь обратились в Сенат с просьбой вернуть их якобы «законные» права на югоосетинское крестьянство. Осенью 1835 г. в остром социально-политическом конфликте между грузинскими феодалами и Южной Осетией Сенат поддержал феодалов. Пытаясь найти опору в грузинских феодальных верхах, Петербург пожертвовал свободой крестьян юга Осетии и отдал их на произвол грузинских тавадов. Наряду с феодальными правами Эристави Ксанские и князья Мачабели претендовали также и на административную власть, требуя упразднить институт приставства, учрежденный И.Ф. Паскевичем, и передать им функции «управления». Поддерживаемые российским правительством грузинские феодалы фактически установили военно-феодальный режим на юге Осетии. Но крестьянство упорно отстаивало свою свободу и независимость от князей Мачабели и Эри-

стави Ксанских. В 1837 г. делегация Южной Осетии обратилась к императору Николаю I, находившемуся в Тифлисе, и представила документы, подтверждавшие их независимость и незаконность притязаний на них со стороны грузинских феодалов. Однако император, заигрывавший с тавадами, не стал вникать в положение югоосетинских обществ, отстаивавших свою свободу.

Ту же политику в отношении грузинских помещиков на юге Осетии проводил и преемник барона Г.В. Розена генерал Е.А. Головин. Будучи главноуправляющим Кавказским краем (1838 г.), он изучил приставскую систему в Южной Осетии и счел целесообразным замену приставов грузинского происхождения на русских. О «неудобствах» системы управления, введенной в Осетии И.Ф. Паскевичем, писал военному министру А.И. Чернышеву еще Г.В. Розен. Барон считал отдаленность Южной Осетии от «главного местного начальства» и неисполнение приставами из грузинских князей и дворян своих обязанностей, редко посещавших села и «не пользовавшихся доверенностью населения», «ощутимым недостатком» установленной ранее системы управления [5; 63]. С просьбой о замене грузинских приставов русскими чиновниками обращались в Тифлис и жители юга Осетии, оказавшиеся под двойным гнетом, поскольку грузинские приставы, как и князья Мачабели и Эристави, считали подведомственные им села Южной Осетии собственными вотчинами и не оставляли попыток обложить население податями. Генерал Е.А. Головин предлагал вывести осетинских приставов из ведения Горийского окружного начальника и, учредив новую должность главного пристава, подчинить приставам ему. Вышестоящей инстанцией для главного пристава объявлялось грузинское губернское начальство. Главному приставу, как и окружному начальнику, подчинялись три частных пристава, четвертый – Джамурский – пристав оставался в ведении Управляющего горскими народами по Военно–Грузинской дороге [6; 56].

Позже, в 1841 г., Южная Осетия вновь вошла в состав Горийского уезда Грузино–Имеретинской губернии в ходе административной реформы, проводимой сенатором П.В. Ганном [2; 281]. Им было разработано «Положение», в соответствии с которым в осетинских ущельях учреждались участковые заседатели. Руководствоваться общими законами империи с необходимыми «по местным обстоятельствам изменениями и дополнениями» предписывалось административным органом юга Осетии, как и всего Закавказского края [5; 64]. В то время

Южную Осетию снова охватили крестьянские волнения. Вследствие донесений о тревожном состоянии Осетии, о неповиновении ее жителей, их отказа выполнять повинности князей Мачабели, поступивших от приставов, Е.А. Головин отправил экспедицию в Осетию, которой руководил князь Андронников, в результате которой были уничтожены жители Магландолетского, Чеселтского и Мамисонского ущелий (деревня Багиаты–Кау, селение Тиб). Карательная экспедиция окончилась беспощадными репрессиями. Российское правительство провело расследование о причинах событий, происшедших в Южной Осетии. Результаты комиссии, занимавшейся изучением хода административной реформы в Закавказье и деятельности главного пристава, показали, что причиной недовольства жителей Осетии стали не только действия чиновников, но и установленная здесь система управления. Поэтому в 1842 г., прибыв на Кавказ и лично ознакомившись с ситуацией, сложившейся в военном и административно–гражданском отношении в Закавказском крае, А.И. Чернышев отдал приказ отделить всех закавказских горцев, в том числе и осетин, от уездного управления и образовать для них особые округа [2; 281]. С 1844 г. на юге Осетии устанавливалось военно–окружное устройство. Ее территория и участки, прилегавшие к Военно–Грузинской дороге, в составе Грузино–Имеретинской губернии образовывали два округа: Тушино–Пшаво–Хевсурский, состоявший из двух участков – Тушинского и Пшаво–Хевсурского, и Осетинский с центром в Квешети [9; 5–11]. Но так как управление из этого центра отдаленными ущельями, заселенными осетинами, было неудобным, Осетинский округ был разделен на два округа: Горский, в который вошли три участка – Хевсурский, Мтиулетский и Ксанский, и собственно Осетинский. Последний с центром в с. Джава состоял из Джавского, Малолиахвского и Нарского участков [5; 75].

Настойчивая борьба населения Южной Осетии с феодальными притязаниями грузинских феодалов заставила российские власти перейти от военных экспедиций к судебному разбирательству. Князьям Мачабели, претендовавшим на югоосетинские села, и жителям Южной Осетии, отстаивавшим свою свободу, было предложено представить документы, которые бы доказывали правоту каждой из сторон. Согласно «владельческому» документам, Ираклий II, ранее признававший за югоосетинскими обществами их вольность, в 1776 г. и 1798 г. издал грамоты, дававшие право князьям Мачабели на владение осетинскими селами. Князья

Мачабели представили также и отдельные распоряжения российских генералов и низших офицеров, по которым осетинские села обязаны были платить князьям повинности.

Южные осетины напомнили о том, что документы, свидетельствовавшие об их свободе и независимости с незапамятных времен, в 1837 г. были вручены императору Николаю I. Копии же документов были предоставлены начальнику Горийского округа, где они были испорчены и уничтожены, но югоосетинское население сумело вновь представить новые материалы по этому вопросу, подтвердив право осетин на независимость от грузинских тавадов в целом. Весной 1845 г. Горийский уездный суд поддержал феодалов и вынес решение в их пользу. Но члены суда расходились во мнениях. Принимая это во внимание, а также непризнание Южной Осетией подобного решения суда, новым наместником Кавказа М.С. Воронцовым (1845 г.) была создана комиссия с целью проверки справедливости решения Горийского суда, признавшая незаконным постановление суда и указавшая, что князья Мачабели «никаким актом не доказали своих помещичьих прав» в Южной Осетии. Не ожидавший подобного заключения и обладавший неограниченными полномочиями на Кавказе, М.С. Воронцов передал вопрос о Южной Осетии на рассмотрение Тифлисской палаты уголовного и гражданского суда. Им же руководимый суд подтвердил «законность» решения Горийского суда, сделав вывод: «Осетины свободы своей ничем не доказали» [6; 59]. М.С. Воронцов в своей политике по крестьянскому вопросу был защитником интересов грузинских помещиков в отличие от И.Ф. Паскевича, из чего последовали итоги судебного разбирательства между осетинами и князьями Мачабели. Добившись в Тифлисе признания своих прав, князья Мачабели и Эристави Ксанские предъявили к осетинам непомерные феодальные притязания, что вызвало новую волну освободительного движения в Южной Осетии. Это было последнее крупное восстание в Южной Осетии в XIX в., которое закончилось поражением и не решило главной задачи – урегулирования отношений между крестьянами–осетинами и князьями Мачабели.

Сложившиеся обстоятельства вынудили российские власти приступить к новому обсуждению югоосетинского вопроса. В феврале 1850 г. Тифлисская палата уголовного и гражданского суда передала дело по спору грузинских феодалов и осетин в Сенат, который годом ранее признал тот факт, что князья Мачабели не имеют никаких доказательств по поводу владения осетинами «на

крепостном праве». Тем не менее в своем докладе царю от 17 мая 1852 г. М.С. Воронцов, признавая фактическую независимость Южной Осетии, просил принять во внимание преданность грузинских тавадов России и в качестве награды предоставить им помещичьи права в Южной Осетии. Николай I, вопреки его ожиданиям, изменил свой взгляд на отношения грузинских феодалов к крестьянам Южной Осетии. Он был первым из государственных деятелей высшего сословия, который обратил внимание на возможность оказывать политическое давление на грузинский сепаратизм, если постепенно менять позицию по поводу «принадлежности» Южной Осетии грузинскими тавадам. На этот раз император счел более выгодным решение о частичном признании прав феодалов Мачабели на владение землями юга Осетии. Права этих владельцев сводились лишь к обычному праву владения землей, а не территорией с правом юрисдикции, на чем настаивали Мачабели. М.С. Воронцову было предложено провести переговоры между князьями Мачабели и населением Южной Осетии и, «коли возможно, склонить их к уступке казне за справедливое возмездие права их на осетин и тем кончить к обоюдной выгоде спор» [5; 193–196]. Соглашение между князьями Мачабели и наместником Кавказа после долгих обсуждений было представлено царю в таком виде: «ЗаклЮчить с князьями Мачабели сделку, по которой взамен всех прав, претендуемых ими на крепостное право над осетинами в ущельях Джавском, Урсдзуарском, Джомагском, Кешельтском, Зрогском, Рокском, Кошкском, назначить им потомственный пенсион в 6000 рублей серебром в год (в случае, если в их владениях окажется не менее 2000 крестьянских дворов)» [8; 423]. Николай I счел сделку, предложенную М.С. Воронцовым, настолько удачной, что не только утвердил ее, но и предложил распространить подобные сделки на другие подобные случаи [8; 424]. Сенат указом от 30 мая 1852 г. за № 1777 исполнение этого решения возложил на Горийский уездный суд уже 6 июня 1852 г.

Заключение

Таким образом, социально–политическое движение против грузинской экспансии в Южной Осетии в первой половине XIX в. имело не только антифеодальный, но и национально–освободительный характер. Подобный социальный протест в Южной Осетии, ставший традиционным, объяснялся тем, что князья Мачабели, впрочем, как и Эристави Ксанские, претендовавшие на господство в

Южной Осетии, считались иноземными захватчиками. Крестьянство юга Осетии не признавало прав на владение землей, связанных с потерей личной свободы.

Список литературы

1. Акты Кавказской археографической комиссии. – Т. VII. – Тифлис, 1878.
2. Блывева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX в. – Владикавказ, 2005.
3. Ванев З.Н. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Юго-Осетии в XIX в. – Сталинир, 1959.
4. Иваненко В.Н. Гражданское управление Закавказьем от присоединения Грузии и до наместничества великого князя Михаила Николаевича. – Тифлис, 1901.
5. История Юго-Осетии в документах и материалах (1800–1864 гг.). / Сост. И.Н. Цховребов. Т. II. – Сталинир, 1960.
6. Тедеева У.Ш. Грузино-осетинские противоречия: социальные и идеологические основы (XIX – 90-е гг. XX в.). – Владикавказ: ГОУ ВПО СОГМА, 2011.
7. Чудинов В. Окончательное покорение осетин. // Кавказский сборник. – Т. XIII. – Тифлис, 1889.
8. Архив Юго-Осетинского научно-исследовательского института им. З.Н. Ванеева (ЮОНИИ). Отдел истории. Ф. 1. Оп. 2.
9. Центральный Государственный исторический архив Республики Грузия. Ф. 2. Оп. 1.

References

1. Akty Caucasian Archaeological Commission. T VII. – Tiflis. – 1878.

2. Bliyeva Z.M. Rossiysky officialdom and the people of Central Caucasus Mountains at the end of XVIII – the 80th years of the XIX century – Vladikavkaz. – 2005 .

3. Vaneev Z.N. Krestyansky a question and country movement in South Ossetia in the XIX century – Stalinir. – 1959.

4. Ivanenko V.N. Civil management of Transcaucasia from accession of Georgia and to a 5. History of South Ossetia in documents and materials (1800–1864). / Сост. I.N. Tskhovrebov. Т. II. – Stalinir. – 1960

6. Tedeeva U.Sh. Georgian– Ossetian conflict : social and ideological bases (XIX – 90th. Twentieth century). – Vladikavkaz: HPE SOGMA. – 2011.

7. Chudinov V. Final conquest Ossetian. // Caucasian collection. Т. XIII. – Tiflis. – 1889 .

8. South Ossetian Archive Research Institute. Z.N. Vaneev (ЮОНИИ). Department of history. F. 1. Op. 2.

9. Tsentralny State Historical Archive of the Republic of Georgia. F. 2. Op. 1.

Рецензенты:

Канукова З.В., д.и.н., профессор кафедры российской истории и кавказоведения, ГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова», г. Владикавказ;

Айларова С.А., д.и.н., профессор, заведующая отделом истории Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра Российской академии наук и Правительства Республики Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ.

Работа поступила в редакцию 04.06.2014.